

УДК 821.112.2

UDC 821.112.2

«ЭСТЕТИКА ОБМЕНА» И ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. МЮЛЛЕР

“EXCHANGE AESTHETIC” AND PROBLEM OF PERSONAL SELF-IDENTIFICATION IN THE WORKS BY H. MÜLLER

Е. В. Андрианова,
старший преподаватель кафедры зарубежной
литературы БГУ

K. Andryanava,
Senior Teacher of the Department
of Foreign Literature, BSU

Поступила в редакцию 15.01.20.

Received on 15.01.20.

Статья посвящена анализу некоторых особенностей поэтики и проблематики произведений немецкой писательницы (родом из Румынии), лауреата Нобелевской премии Герты Мюллер с точки зрения преломления в них «эстетики обмена». В произведениях автора взаимозаменяемыми становятся люди, предметы, слова, мысли, чувства. Благодаря всевозможным случаям «обмена» героям произведений Г. Мюллер удается выстоять в сложных жизненных ситуациях. В то же время «обмен» символизирует утрату человеком своей уникальности и свободы.

Ключевые слова: Герта Мюллер, самоидентификация, «эстетика обмена», идентичность, поэтика.

The article is devoted to analysis of several features of poetics and problematic of the works by a German writer (originally from Romania), Nobel Prize laureate Herta Müller from the point of view of refraction of “exchange aesthetic”. In the works by this author people, objects, words, thoughts, feelings become interchangeable. Due to all possible cases of “exchange” the characters of H. Müller’s works manage to stand tall in difficult life situations. At the same time “exchange” symbolizes the loss of a person’s individuality and freedom.

Keywords: Herta Müller, self-identification, “exchange aesthetic”, poetics.

Роман «Качели дыхания» («Atemschaukel», 2009) [1] немецкой писательницы (родом из Румынии), лауреата Нобелевской премии по литературе Герты Мюллер (Herta Müller, род. в 1953 г.) посвящен судьбе румынских немцев, интернированных после Второй мировой войны в советские трудовые лагеря на восстановительные работы. Основное действие романа происходит в Ново-Горловке на территории современной Украины. Главный герой родом из Германштадта (немецкое название культурного и исторического центра Румынии – города Сибиу). В трудовом лагере в 1945 г. оказалась и мать будущей писательницы. Мать неохотно делилась с дочерью лагерными воспоминаниями, лишь иногда упоминала страшный голод в России, стрижку наголо, холодные бессонные ночи [2, s. 120]. Подробности лагерной жизни писательнице рассказал немецкий поэт (родом из Румынии) Оскар Пастиор (Oskar Pastior, 1927–2006), который также был интернирован в советский трудовой лагерь. Лагерь упоминается во многих романах, рассказах, эссе Г. Мюллер и интервью с ней, художественное осмысление темы депортации является важным этапом в самоидентификации писательницы.

Разным аспектам поэтики и проблематики романа «Качели дыхания» посвящены исследования литературоведов У. Лангос [3], С. Леграйда [4], Б. П. Кори [5], Г. Преодоу [6] и др. Норвежский литературовед У. Лангос рассматривает роман «Качели дыхания» в контексте «литературы свидетельства» как историю о травмированном сознании человека, не способного преодолеть лагерное прошлое, вынужденного скрывать от окружающих людей свое истинное «Я» [3]. В свою очередь, норвежский литературовед С. Леграйд анализирует произведения Г. Мюллер, включая роман «Качели дыхания», с точки зрения воплощения в них «поэтики отграничения» («die Poetik der Entgrenzung»), тесно связанной с принципом «чужого взгляда» («der Fremde Blick») писательницы, появляющегося в ситуации, когда исчезает естественное доверие к привыч-

ным, повседневным вещам [7, s. 147]. С. Леграйд обращает особое внимание на размывание границ между людьми, словами и предметами, на тонкую грань между миром людей и вещественным миром, что находит свое выражение в истории лагерной жизни Лео Ауберга [4]. Румынский литературовед Б. П. Кори исследует символическое значение названия романа «Качели дыхания» [5]. Согласно Г. Мюллер, слово «Atemschaukel» принадлежит О. Пастиору, при этом писательница не объясняет его суть, что побуждает критиков и литературоведов искать скрытый смысл этого образа. Как отмечает известный российский германист Ю. В. Каминская, словом «Atemschaukel» О. Пастиор называл комплекс дыхательных упражнений, которые помогали ему уснуть, но, вполне возможно, это слово значило для него и нечто большее, «ведь для поэта дыхание представляет особенную художественную ценность. Чередование вдохов и выдохов образует сущностную основу читаемого вслух стихотворения, обычно способного раскрыть свой потенциал лишь в сочетании с дыханием и голосом» [8, с. 342]. В центре внимания румынского литературоведа Г. Преодоу – символическое значение и функции вещей и деталей в произведениях Г. Мюллер [6]. Особое внимание в вышеупомянутых исследованиях уделяется проблеме нивелирования, унификации личности в условиях лагеря, «опредмечивания» людей.

В романе Г. Мюллер «Качели дыхания» взаимозаменяемыми становятся люди, предметы, слова, чувства. Эта взаимозаменяемость символизирует утрату человеком своей индивидуальности, отражает прелестия, с которыми он сталкивается на пути к обретению собственной идентичности в сложных жизненных обстоятельствах. Не случайно У. Лангос определяет эстетику романа «Качели дыхания» как «эстетику обмена / замены» («Tauschästhetik») [3, s. 152], находящую свое выражение на разных уровнях произведения. Понятие «эстетика обмена» включает в себя разные формы «преобразований»: фактический обмен

(обмен на кого / что-то, замену кем / чем-то), своеобразную «подмену/замену понятий» (слов, мыслей, чувств и др.) и изменения в характере, образе мыслей и действий, самовосприятии и мироощущении человека.

По сути, вся лагерная и послелагерная жизнь главного героя романа Лео Ауберга представляет собой сложный всесторонний обмен. Находясь в лагере, интернированные обмениваются друг с другом вещами, привезенными из дома (одеждой, книгами, продуктами питания) и приобретенными в лагере (металлическими расческами для вычесывания вшей, обувью, фуфайками и т. д.), хлебом, полученным в лагере за тяжелый физический труд, когда порция солагерника кажется больше собственной из-за того, что хлеб высыхает. Происходит так называемый «хлебный обмен» («der Brottausch», «das Brottauschen»), герои попадают в «хлебную западню» («die Brotfalle»), становятся зависимыми от «хлебного обмена» («vom Brottauschkrank werden»), их мысли часто направлены на то, как правильно распорядиться «собственным» («das Eigenbrot») и «запавшим» хлебом («das Wangenbrot»; хлеб людей, находящихся при смерти) и как соблюсти «хлебный закон» (в лагере действует «хлебный суд», «das Brotgericht»). Карли Хальмен, оставшись один в бараче, съедает сбереженный хлеб Альберта Гиона, за это его жестоко избивают интернированные. И никто не может претендовать на хлеб умалишенной Кати Плантон. Многочисленные авторские неологизмы с корнем «Brot» призваны подчеркнуть хронический голод, который царит в лагере, и тотальную несвободу интернированных.

Важными для интернированных являются и так называемые «бартерные сделки» («Tauschgeschäfte»; в пер. М. Белорусца «хитрый обмен»), которые происходили за пределами лагеря. Получив разрешение выйти на короткое время в близлежащие деревни или оказавшись на сельскохозяйственных работах, интернированные могли выменять у местного населения – у «русских» – свои вещи на продукты питания, что гарантировало им жизнь. Следует отметить, что «русские» в романе «Качели дыхания» – это не только лагерное начальство в лице Товарища Шишваненова и охранники, но и мирное гражданское население, которому также приходится через многое пройти. На рынке Лео встречает «русских», высмеивающих его из-за кожаных галошей, которые тот хотел продать или обменять на продукты питания, но в то же время многие из них самих отнюдь не выглядят благополучными: это «беззубые женщины» [9, с. 143] («Frauen ohne Zähne» [1, s. 138]), «одноногий мальчик с костылем» [9, с. 143] («ein einbeiniger Junge mit einer Krücke» [1, s. 138]) и др. В главе «У русских также есть свои пути» («Die Russen haben auch ihre Wege») рассказывается о том, что русские, как и интернированные, страдают от голода и вынуждены охотиться в степи на «земляных собачек» (сусликов) [1, с. 133]. Таким образом, «русские» для интернированных этнических немцев – и «чужие», и «свои»: они свободны, но тоже бедствуют.

Спасительным для Лео Ауберга становится вынужденный обмен красного шелкового шарфа на картофель. Старший надзиратель лагеря Тур Прикулич (родом из Карпатской Украины, из числа заключенных) присваивает шарф Лео и спустя время, после долгих упреков и напоминаний молодого человека, от-

правляет героя на сбор урожая в колхоз, откуда разрешает ему унести столько картофеля, сколько поместится в его одежде и «наволочке для лебеды» (в качестве платы за шарф). Красный шелковый шарф символизирует в романе борьбу за выживание и одновременно ассоциируется с несвободой и тонкой гранью между жизнью и смертью.

Не участвует в лагерном обмене лишь носовой платок, подаренный русской женщиной. Как отмечает Лео Ауберг, «искушение время от времени возникало, голод ведь слеп» [9, с. 81] («die Versuchung war da, der Hunger blind genug»), но его удерживала вера в то, что этот платок – его судьба, символ надежды и спасения [1, с. 80], которых он так жаждал. Оказавшись в доме русской женщины, Лео заменил ей сына Бориса, находившегося в сибирском лагере. Таким образом, в романе «Качели дыхания» происходит не только обмен вещами – сами люди становятся взаимозаменяемыми. Румынские немцы оказываются в советском трудовом лагере, заменив тех, кто поддерживал фашизм и принимал участие в войне на стороне Германии, и несут за них наказание. Случайно в лагерь попадают румынка Корина Марку (умерла на третий год пребывания в лагере) и еврей Давид Ломмер (он провел в лагере три с половиной года) – им суждено кого-то заменить.

С рождением младшего брата Руди Лео Аубергу самому суждено стать «замененным». Он болезненно воспринимает сообщение матери о рождении брата. В письме с фотографией Руди и датой его рождения не было ни слова о самом Лео. Лео плачет от горькой обиды и разочарования, видя в письме матери равнодушие к своей участи [1, с. 213]. Не случайно, уходя из кабинета старшего надзирателя лагеря Тура Прикулича (именно здесь юноша ознакомился с письмом матери), Лео обращает внимание на аккуратно сшитые и туго набитые оконные валики из волос умерших интернированных, защищающие от сквозняков [1, с. 212]. В романе несколько раз повторяется «блюз телячьего вагона» [9, с. 17] («Viehwagonblues» [1, s. 19]) – в нем упоминается «Brieflein» [«письмецо». – Е. А.], которое «tut mir weh» [«ранит». – Е. А.] [1, с. 19] («Прочел письмо твое сейчас, | И каждая строка болит» [9, с. 17]). Известие о рождении младшего брата подорвало надежду и веру Лео, усугубило его одиночество. За годы депортации Лео ни разу не написал своей семье – сначала из-за запрета, затем – из-за обиды и «суровой гордости» [9, с. 225] («des rauhen Stolz(es)» [1, s. 214]). Лео не смог принять младшего брата и после возвращения домой, для него он был словно стеной, преградой, отдалившей его от родственников, включая мать.

Прожив после приезда домой одиннадцать лет в браке с Эммой, Лео предпочитает семейной жизни одиночество и переезд в Грац – происходит изменение (очередной обмен) личного статуса и местожительства героя. Причины эмиграции Лео Ауберга разные: и опасение того, что может быть раскрыта его гомосексуальность, и страх голодной смерти, от которого невозможно было избавиться даже после лагеря.

В романе «Качели дыхания» «подмене» подвергаются и слова, мысли, чувства героев. Рассказы о приготовлении домашних блюд, дым и огонь костра заменяют интернированным еду, мысленно утоляют их голод. Хроническая тоска по родине Лео Ауберга завуалирована в его рассказах о детстве, в стремлении уловить на территории лагеря домашние (как пра-

вило, воображаемые) запахи. Именно поэтому многое в романе «пахнет» – нафталином, глицериновым мылом, обувным кремом, хризантемами, цветками лимонного дерева и т. д., напоминая Лео о доме и детстве. Очевидно, «эстетика обмена» иногда оборачивается «эстетикой отсутствия».

Следует отметить, что чем более сложным является испытание для Лео (физическое, моральное), тем более эмоционально юноша на него реагирует. Однако эмоции скрыты от глаз сокамерников. Чувства героя выражаются в тексте с помощью красочных описаний окружающей действительности с использованием многозначных образов-символов, неожиданных метафор, сравнений, персонификаций и др. Писательница синтезирует элементы натурализма, экспрессионизма, сюрреализма. Один из наиболее ярких и эмоционально насыщенных эпизодов – рассказ о новогодней ночи, когда интернированные занимались посадкой деревьев, будучи уверенными, что копают себе могилы. Пытаясь скрыть страх и дикий ужас от происходящего, Лео Ауберг предельно поэтично, образно, гротескно рисует картину коллективного погребения. Он представляет себя и других интернированных «в громадной коробке. Сверху – крышка неба, покрытая черным лаком ночи и украшенная точеными колючими звездами. <...> Стенки обтянуты бесконечной пеной кружев и жесткой ледяной парчой с шелковисто вихрящейся бахромой. Напротив, на ограждающей лагерь стене, между сторожевыми вышками, катафалком громоздился снег...» [9, с. 73] («...in einer riesengroßen Schachtel stehen. Ihr Himmeldeckel war schwarzlackiert von der Nacht und geschmückt mit scharf geschliffenen Sternen. <...> Und die Wände der Schachtel waren drapiert mit steifem Eisbrokat, seidigem Fransengewirr und Spitzenstoff ohne Ende. Auf der Lagermauer drüben, zwischen den Wachtürmen, war der Schnee ein Katafalk...» [1, s. 72]).

«Эстетика обмена» дает о себе знать и в других произведениях Г. Мюллер, в частности в повести «Человек в этом мире – большой фазан» («Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt», 1986) [10]. В то время как соседи, преодолев многочисленные препятствия, покидают деревню и эмигрируют в Германию, главные герои произведения – Виндиш, Катарина и их дочь Амалия – вынуждены ждать. Покинуть родную деревню удастся только после того, как Амалия в буквальном смысле продает себя, то есть, по сути, меняет свою честь на разрешение эмигрировать. Не только Амалии, но и другим женщинам деревни придется пройти через подобное испытание. В противном случае, даже при многократных взятках представителям власти, получить разрешение на эмиграцию не удастся.

Посредством «эстетики обмена» подчеркиваются изменения в героях – их характерах, мироощущении, самовосприятии. Находясь в лагере, Лео чувствует,

что стал другим, но еще не осознает, как это повлияет на его жизнь: «Den Wunsch nach Heimkehr wurde man nicht los, um aber außer ihm noch etwas anderes zu haben, sagte ich mir, wenn sie uns für immer hier behalten, so ist es doch mein Leben. Die Russen leben ja auch. Ich will mich nicht sträuben, hier sesshaft zu werden, ich muss doch nur so bleiben, wie ich mit dem einen luftdicht versiegelten Flacon schon zur Hälfte bin. Ich kann mich umerziehen, ich weiß noch nicht wie, doch die Steppe wird es schon richten» [1, s. 163] («От желания вернуться домой не избавишься, – говорил я себе. – Но если русские навечно упрячут нас здесь, кроме такого желания нужно иметь в запасе еще что-то: это "что-то" – сама моя жизнь. Русские ведь живут. Если нас принудят осесть здесь, я упираться не буду. Мне придется лишь оставаться тем, кем я уже наполовину стал благодаря герметически запечатанному флакону. Я сумею себя перевоспитать, – правда, еще не знаю как, но степь мне в этом поможет» [9, с. 170]). Бескрайняя степь вокруг лагеря и собственное длительное нахождение в замкнутом пространстве обостряют в Лео желание свободы. Флакон, в котором герой в «слепом голоде» сохранил немного капустного супа, символизирует лагерное прошлое Лео, страх голода и смерти, который не исчезнет до конца его жизни.

Ограничения тоталитарного общества и эмиграция приводят к изменениям в главной героине романа Г. Мюллер «Одноногие странники» («Reisende auf einem Bein», 1989) [11]. Ирене чувствует, что переезд в Германию не проходит для нее бесследно – она становится другой. Приняв решение эмигрировать, девушка делает решительный шаг в утверждении себя как личности. Произведение имеет открытый финал, автор дает свободу для его интерпретаций – только от главной героини зависит, будут ли положительные изменения в ее жизни, сможет ли она побороть страх и недоверие к окружающему миру и превратиться из жертвы преследований в сильную и свободную личность.

Посредством «эстетики обмена» в творчестве Г. Мюллер стираются границы между разными составляющими жизни человека, реальное становится ирреальным, конкретное – абстрактным, живое – неживым и наоборот. «Эстетика обмена», с одной стороны, выполняет спасительную функцию, дает возможность героям выжить и преодолеть препятствия, усмирить определенные чувства и мысли, по-новому взглянуть на себя и окружающий мир, с другой – символизирует утрату человеком своей индивидуальности и свободы, унификацию личности в тоталитарном государстве и лагере. «Эстетика обмена» как художественный прием существенно обогащает поэтику произведений Г. Мюллер, подчеркивает неповторимость ее индивидуально-авторского стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – München : Carl Hanser Verlag, 2009. – 304 s.
2. Müller, H. Immer derselbe Schnee und immer derselbe Onkel / H. Müller. – München : Hanser Verlag, 2011. – 256 s.
3. Langás, U. Herta Müllers Roman «Atemschaukel» – ein Bericht von Trauma / U. Langás // Dichtung und Diktatur : Die Schriftstellerin Herta Müller / Herausg. Von Helgard Mahrtd und Sissel Laegreid. – Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2013. – S. 149–170.

REFERENCES

1. Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – München : Carl Hanser Verlag, 2009. – 304 s.
2. Müller, H. Immer derselbe Schnee und immer derselbe Onkel / H. Müller. – München : Hanser Verlag, 2011. – 256 s.
3. Langas, U. Herta Müllers Roman «Atemschaukel» – ein Bericht von Trauma / U. Langas // Dichtung und Diktatur : Die Schriftstellerin Herta Müller / Herausg. Von Helgard Mahrtd und Sissel Laegreid. – Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2013. – S. 149–170.

4. *Læg Reid, S.* Sprachaugen und Wortdinge – Herta Müllers Poetik de Entgrenzung / S. Læg Reid // Dichtung und Diktatur : Die Schriftstellerin Herta Müller / Herausg. Von Helgard Mahrdt und Sissel Laeg Reid. – Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2013. – S. 55–79.
 5. *Kory, B. P.* Herta Müllers Sprachpantomime Atemschaukel : Ein Annäherungsversuch an die Zentralmetapher des Romans [Elektronische Ressource] / B. P. Kory. – Zugriffsmodus: <https://litere.uvt.ro/publicatii/TBG/pdf/TBG/tbg-10-2013.06121301.pdf>. – Zugriffsdatum: 12.10.2016.
 6. *Predoiu, G.* «Leben wir also. Aber man lässt uns nicht leben. Leben wir also im Detail» : Zur Fokussierung auf «kleine Dinge» in Herta Müllers Romanen [Elektronische Ressource] / G. Predoiu – Zugriffsmodus: <https://litere.uvt.ro/publicatii/TBG/pdf/TBG/tbg-10-2013.06121301.pdf>. – Zugriffsdatum: 12.10.2017.
 7. *Müller, H.* Der König verneigt sich und totet / H. Müller. München [u.a.] : Carl Hanser Verlag, 2003. – 206 s.
 8. *Каминская, Ю. В.* О художественной ценности дыхания: Поэзия как искусство перевода в творчестве Оскара Пастора / Ю. В. Каминская // Немецкоязычная литература : единство в многообразии: сборник статей к 75-летию проф. В. Д. Седелника / отв. ред. Т. В. Кудрявцева. – М : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 320–339.
 9. *Мюллер, Г.* Качели дыхания / Г. Мюллер, пер. с нем. М. Белорусца. – Санкт-Петербург : Амфора, 2011. – 319 с.
 10. *Müller, H.* Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt / H. Müller. – Frankfurt-am-Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2009. – 112 s.
 11. *Müller, H.* Reisende auf einem Bein / H. Müller. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2013. – 176 s.
4. *Læg Reid, S.* Sprachaugen und Wortdinge – Herta Müllers Poetik de Entgrenzung / S. Læg Reid // Dichtung und Diktatur : Die Schriftstellerin Herta Müller / Herausg. Von Helgard Mahrdt und Sissel Laeg Reid. – Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2013. – S. 55–79.
 5. *Kory, B. P.* Herta Müllers Sprachpantomime Atemschaukel : Ein Annäherungsversuch an die Zentralmetapher des Romans [Elektronische Ressource] / B. P. Kory. – Zugriffsmodus: <https://litere.uvt.ro/publicatii/TBG/pdf/TBG/tbg-10-2013.06121301.pdf>. – Zugriffsdatum: 12.10.2016.
 6. *Predoiu, G.* «Leben wir also. Aber man lässt uns nicht leben. Leben wir also im Detail» : Zur Fokussierung auf «kleine Dinge» in Herta Müllers Romanen [Elektronische Ressource] / G. Predoiu – Zugriffsmodus: <https://litere.uvt.ro/publicatii/TBG/pdf/TBG/tbg-10-2013.06121301.pdf>. – Zugriffsdatum: 12.10.2017.
 7. *Müller, H.* Der König verneigt sich und totet / H. Müller. München [u.a.] : Carl Hanser Verlag, 2003. – 206 s.
 8. *Kaminskaya, Yu. V.* O hudozhestvennoy tsennosti dyihaniya: Poeziya kak iskusstvo perevoda v tvorchestve Oskara Pastira / Yu. V. Kaminskaya // Nemetskoyazychnaya literatura : edinstvo v mnogoobrazii: sbornik statey k 75-letiyu prof. V. D. Sedelnika ; otv. red. T. V. Kudryavtseva. – M : IMLI RAN, 2010. – S. 320–339.
 9. *Myuller, G.* Kacheli dyihaniya / G. Myuller, per. s nem. M. Belorustsa. – Sankt-Peterburg : Amfora, 2011. – 319 s.
 10. *Müller, H.* Der Mensch ist ein großer Fasan auf der Welt / H. Müller. – Frankfurt-am-Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2009. – 112 s.
 11. *Müller, H.* Reisende auf einem Bein / H. Müller. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2013. – 176 s.

Дана Зітторбік